

Александр Серафимович

Бригадир

**Серафимович Александр
Бригадир**

Александр СЕРАФИМОВИЧ БРИГАДИР

Мы сидим с ним в горячей голубоватой тени наметанного скирда. Вдали недвижно стоят два комбайна. Земля голубовато парит. Комбайнеры, трактористы - кто раскинулся на еще сыроватой земле и тяжело, лицом вниз, спит, кто, полуголый, латает рубаху. Ждут, пока подсохнет хлеб после бурного ливня, чтоб опять закипела работа.

У него свислые усы и ослепительные зубы.

А на бронзовом лице навсегда застыла не то непотухающая дума, не то навеки неизбывное воспоминание. Он - крепкий, умелый, никому не спускающий бригадир.

- Так что, товарищ Сарахвимыч, зубами от смерти отдрался.

Я глянул, зубы у него блеснули из-под усов.

А лицо все такое же твердо застывшее, и никогда не смеющиеся глаза. Ему под пятьдесят.

- Как это? Когда?

Он поглядел вдаль. Степь все так же голубовато дрожала и волновалась.

- В восемнадцатом... Это каким оборотом...

Усть-Медведицкую станицу белые брали. Навалились с Усть-Хопра. Дон разлился, наши не могут подмоги подкинуть. Попы на колокольне Воскресенской церкви пулеметы вправили, белые строчат оттель. Из-под пирамиды ихняя батарея глушит.

Наши на пароме ды на баркасах на ту сторону вдарились. А так и видать, ложатся, ложатся головы, и винтовки на пароме, как подкашивает, - с колокольни-то далече берет. Под энтим берегом не выдержали наши, стали сгать в воду. Много унесло.

А какие добрались до земли, мокрые, без винтовок, побегли.

Берег открытый, как на ладони, - тоже много полегло.

Нас, человек восемьдесят, за станицей к Брехунье прижали, хотели садами отступить. Да сам знаешь, сады в половодье до краев заливают. Некуда податься. Прикладами отбивались. Мне в голову приклад пришелся. Память отшибло. Очунелся, гляжу:

на мельнице лежу, и товарищи, - паровая мукомольная на горе, возле кладбищенской церкви. Белые хлопчут округ нас, раздевают

догола, вяжут проволокой парами рука к руке. А ночь.

Ну, думаю, стало, решать нас будут. Наши тоже видят: конец приходит. Которые молчат, кто матюкается, а есть и плачут.

Чуть посерело, стали выводить человек по двадцать. Слушаем. Застрочил пулемет, а потом замолчал. Екнуло... Эх! Ну, все одно. Тихо стало. Вошли белые, одни. Вывели другую партию.

Опять протрещал пулемет. Так - три раза. Наконец того подошли к нам с товарищем: Мы в последней партии. Товарищ ослаб, - ногу раненный был; рана нечижолоя, да крови потерял много. Вывели. Ночь хоть глаз коли. Только на бугре черная церковь признается, - небо за бугром сереть стало, вот и видеть. Товарищ на руке почитай повис; тяну его на себе.

А сзади белые казаки прикладами подбодряют. Подошли, стали.

Попробовал ногой, чую, обрыв, - это пониже кирпичного завода. Холодный барак. Тут пулемет заработал. Я как рвану товарища, мы и полетели. Вдарились, аж в голове загудело;

кругом стон, крики, хрип. А на нас все глину сверху сыплют. Я это все голову кверху подымаю, все подымаю, чтоб йе засыпало. Слышу, голос наверху, - должно, офицер:

- Черт с ними, бросай. Завтра досыпем ды притопчем, чтоб не воняли, собаки.

Слыхать - пошли.

Никто не стонет. А все видней да видней. Отгреб с себя глину, стал товарища тащить, а он не ворочается, и рука, которая к моей прихвачена, холодеет. Сгреб с его лица глину. "Ваня, говорю, а, Ваня!" Молчит. Ну, пропал! Подтянул я его руку к рту, стал грызть проволоку, прямо, как кобель. Грыз, грыз, в роте солоно стало, полон кровищи. А я все грызу, а над баракком [Барак - на Дону - луг. (Прим. автора.)] все светлей ды светлей. Видать, обрыв. По дну глина насыпана, иде рука, иде нога торчит. А я прямо озверинился, рву зубами. Да проткнуло концом щеку, - разошлась проволока.

Отвертел с руки, - слободный! Поднялся, шибануло, замлело во мне все. Полез по глине, по товарищам, а они холодные. Попробовал вылезть по обрыву, - прямо стена, сорвал-

ся. Ну, заспешил по бараку, а над баракком все светлей ды светлей... Кочета кричат, собаки брешут. Что есть силы бегу. Уж близко к Дону.

Глядь, баба идет с ведрами к колодезю. Как глянула - бряк с коромысла ведра: человек не в себе,- в чем мать родила. Заголосила: "Ой, нечистый дух!" Ды вдарилась бежать. А я - себе.

Прибег к Дону, бултыхнулся, поплыл. Полая вода холодная, несет; не успел оглянуться, далече пронесло, станицы уж не видать. Ну, ды это хорошо: людей близко никого, а только слабнуть стал, насили-насили огребаюсь одной рукой, - другая от проволоки занемела. Солнце над лесом поднялось. Эх, увидит кто, - крышка! Выполз на карачках ды в лес.

До ночи лежал, все руку тер,- почернела. Ну, ночью по лесу крадучись пошел. Каждую минуту остановишься, послухаешь и опять. Два дня шел, не ел, только пил. На третьи сутки шататься стал, в голове все звон; думаю: "Аи заблудился". В церкви звонют. Под утро вышел из лесу; глядь - хата. Девка увидала, кинулась в дверь, щеколдой хлопнула. Вышел мужик, пронзительный глаз, такой су-

рѣзный, черная борода. Долго глядел: "Ты, говорит, божий человек, шо ж в одной коже блукаешь, как Адам? Дэ ж тоби Ева?"

Я молчу. Ну, думаю, один конец. "Два дня, говорю, не ел".

Он постоял, пошел в хату. Ну, думаю, пошел за топором али за вилами,- в станицу погонит. Выходит, несет ножик да мешок.

А я попятился: "Неужто в мешок будет загонять?" - "На, говорит, режь углы, для шеи вырежь дырю. Ишь, говорит, всю шкуру ободрал в лиси, як свежеванный баран, увесь в кровище". Вырезал я дыри, надел мешок, а он девке велел краюху отрезать. Принесла она полхлеба, фартуком закрывается, а сама вполглаза на меня дивуется. А мужик говорит: "Козаки из станицы конные швыдко по шляху пробигли, всэ якого-то нидоризанного шукалы. Ты, чоловиче, переправься на той бок Медведиця, тай тягны до чугунки, красные пид Себряковой хронт держуть". Ну, к ночи я и к своим прибился. Отлежался в лазарете, а там - наступление. Попы опять с колокольни из пулеметов. Из саду батарея бьет. Дон-то давно обмелел, мы его с маху. Ворва-

лись в станицу, белые наутек, как мы весной. Ну, я минутку улучил, в свой курень забег, отворил дверь, ды... ды...

Что же это, брат ты мой!..

Он поднялся, постоял, как дуб, постоял, прямой, широкоплечий, потом сел. Я быстро глянул на его лицо. Оно было спокойное и неподвижно-бронзовое. Он сказал:

- Отворил в сенцы дверь, а на пороге жена лежит, юбки задраты, ноги голые, одна рука отрубленная... А сыны в кухне лежать, одному - девятый годок, а старшему - тринадцатый.

Соседи собрались, рассказывают - мучили их все время, с той поры как я убег, а когда мы ворвались в станицу, их и прикончили. С той поры пленных не брал. Сотней командовал, ссадили из-за этого самого. Два раза под суд отдавали, расстрелять хотели; нет, не брал пленных!

Он помолчал и спокойно сказал:

- Теперича у меня другая семья...

Долго смотрел на край степи, дрожавшей знойной дрожью, и вдруг оглушительно заревел и поднялся, - мне показалось - земля пода-

лась под ногами:

- Ахвонька-а!! распротак тебе перетак...
Опять за свое?!

Зараз запишу штраф... - и полез за записной книжкой. - Иде ж она?

Афонька, молодой парень, тракторист, черный как бес, от масла, сажи и металла, - только глаза и зубы блеснули, - торопливо затоптал черной босой ногой сигарку, подошел и, ухмыляясь белыми зубами, сказал просителем:

- Не пиши, Иван Семеныч, и так в штрафах весь, как в репьях. На получке ничего не достанется.

А тот опять загремел на всю степь:

- Кто курить будет на стану, разорву напополам!..

- Ну, прослабишься... - отозвался комбайнер, голый до пояса, и кожа блестела потом, чернотой, - кругом мокрота, а он...

- И тебе штраф!.. - загремело по степи. - Не сбивай народ.

Огромный, бронзовый, пошел в будку за книжкой. Трактористы, комбайнеры столпились.

- Вот сатана зубастая! Сам же видит: кругом парит, все волглое, и работать нельзя, - хлеб полег...

Бригадир вернулся.

- Марш по машинам! Проверить на ходу!.. - И, обернувшись, закричал стряпухе:

- Чтоб обед был зараз готов, на дуб солнце подымается, работать начнем, - и пошел, такой же стройно-тяжелый, спокойный, за расходившимися к черневшим машинам трактористами.

- У-у, сатана!.. - сказала стряпуха и поправила платок.

И вдруг ее потная и красная физиономия разъехалась до ушей.

- А осень придет, мы его качаем. Вот в прошлом году качали, ды чижолый какой...

- За что же качали?

- А как же? У всех трактористов премия за экономию горючего. У людей только приступают к уборке, а мы кончаем.

У людей - потеря хлеба, а мы зернышка не упустили. Как же, качали! Я все руки пообломала - чижолый, окаянный, как медведь...

Она глянула на подходившего от машин

бригадира, сердито поправила платок и побежала к печке под навесом, пробурчав:

- У-у, зубастый черт...

Бригадир сел на прежнее место и молчал, вслушиваясь, как пробно ревели моторы на месте. Потом сказал:

- Несознательная публика... Хлеб подсох, можно начинать.

Опять помолчал и сказал спокойно:

- Вот и я такой несознательный был. Веришь, Сарахвимыч, как закрутились колхозы, я ведь не думал, что работать лучше будет, машины... Думал: "Наши деды, отцы без колхозов жили, и не хуже жили". Но, между прочим, в колхоз вступил. А почему? А все потому же: все ждал схватиться с беляками. Даром что в Черное море их спихнули, а все думалось: как бы опять не пришли они к нам с тамошней буржуазией. А у мене замест мобилизации - колхоз. Прямо бери-видал какие молодцы! Сажай на конь и в атаку. А то это покеда мобилизация, да сборы, да съедутся, много воды утекеть. А тут сразу все готово: мобилизованы, - колхоз...

Он вздохнул, в первый раз вздохнул:

- Несознательный был. Теперь все по-иному...

И, помолчав, глухо сказагал:

- У меня теперича семья другая.

Поднялся, стройный, тяжелый:

- Пообедали. Ишь заревели. Пойтить...

И пошел. Жнивье хрустело. Голубоватость над степью пропала.

Струился зной.

СЕРАФИМОВИЧ (Попов) Александр Серафимович (1863 - 1949).

Бригадир. Впервые под названием "В степи" опубликован в журнале "Огонек", 1938, № 35 - 36. Рассказ публиковался под названием "Зубами от смерти" (Соч. М., 1939). Название "Бригадир" получил в последнем прижизненном Собрании сочинений. Печатается по изданию: Серафимович А. С. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 3. М.: Правда, 1980.